

16. Konyakhin V., Ogorodnikova N. Decree of the Plenum of the Supreme court of the RF On the judicial practice for the cases specified by articles 131 and 132 of the RF Criminal Code // Criminal law. 2005. # 1. P. 38–40.

17. Decree of the Plenum of the Supreme court of the RF dated 15.06.2004 # 11 “On the legal practice for the crimes specified by articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Court of the RF. 2004. # 8.

18. Volkova T. Protection of a child against his parents // Crime and punishment. 1997. # 10. P. 52–58.

УДК 343.62
ББК 67.911.11

Дадаев Сулейман Лемаевич,
соискатель каф. уголовно-правовых дисциплин
Кисловодского института экономики и права,
г. Кисловодск,
e-mail: info@uecs.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, ПОСЯГАЮЩИХ НА МАЛОЛЕТНИХ

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC OF THE CRIMINALS PERSONALITY OFFENDING THE JUVENILE

Приводится обобщенная криминологическая характеристика личности преступника, посягающего на малолетнего. Проведенное исследование показало, что чаще всего в отношении малолетнего совершается посягательство на здоровье (побои, истязания, причинение вреда здоровью различной тяжести). Затем следуют преступления, посягающие на половую свободу и половую неприкосновенность подростка. Среди преступников преобладают мужчины (их доля составляет почти две трети от привлеченных к ответственности). Наиболее криминально активной возрастной группой являются лица от 18 до 35 лет. Приводятся и другие характеристики преступников, посягающих на малолетних.

The article has generalized criminological characteristic of the criminal personality offending the juvenile. The research conducted has shown that the most often the offending on the health of juvenile is committed (beating, tortures, injury to health of various degree). Then follow the crimes offending the sexual freedom and sexual inviolability of the teenager. Among criminals men (their share makes almost two thirds of held liable) prevail. The most criminal active age group are the persons from 18 till 35 years of age. Other indicators of the criminals offending the juvenile have been provided too.

Ключевые слова: личность преступника, нравственная деградация личности, возраст преступника, гендерные особенности преступника, семейное положение преступника, образовательный уровень преступника, наказание за посягательство на малолетнего, преступление, малолетние потерпевшие, общественно опасное деяние.

Keywords: personality of the criminal, moral degradation of the person, age of the criminal, gender features of the

criminal, marital status of the criminal, educational level of the criminal, punishment for offending the juvenile, juvenile victims, injurious to the public.

В криминологической статистике или в уголовно-правовой литературе не были подвергнуты специальному исследованию лица, совершающие общественно опасные деяния в отношении малолетних. Данная категория преступников либо отражалась в статистике лиц, совершивших те или иные преступления, либо изучалась в рамках исследований преступлений против несовершеннолетних (насильственной, корыстной, женской и т. п.). Таким образом, для анализа данной проблемы перед автором стояла задача проведения собственных выборочных исследований, объектом которых стала личность взрослых осужденных, совершивших посягательства на малолетних.

Выборочные исследования были проведены в мужской (общего и строгого режима) и женской (общего режима) исправительных колониях среди осужденных за преступления, потерпевшими в которых были малолетние дети (до 14 лет). Наиболее многочисленной оказалась категория осужденных за такие посягательства, как побои, истязания, причинение вреда здоровью различной степени тяжести: удельный вес лиц, совершивших данные преступления, составил в целом 12 % (около 62 % опрошенных – мужчины и 38 % – женщины). Следующими показателями, имеющими значительный вес в структуре данных преступлений, являются половые преступления (ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ), они занимают значительное место в мужской преступности (14 %) и фактически отсутствуют в женской (есть единичные случаи соучастия в данных преступлениях в форме пособничества). Следует отметить, что, по свидетельству сотрудников исправительных учреждений, среди осужденных постоянно растет доля лиц, совершающих пося-

гательства в отношении собственных малолетних детей или родственников (внуков, племянников, двоюродных братьев и сестер и т. д.). Хотя женщины намного реже совершают посягательства на личность, однако среди них доля преступлений против малолетних детей увеличилась и занимает около 38 %. Данная тенденция, по мнению автора, во многом обусловлена ростом наркомании и алкоголизма как детей, так и родителей малолетних детей. Физическая и нравственная деградация, сравнительно быстро прогрессирующая в таких случаях, приводит к потере всех моральных и правовых установок в поведении данных субъектов, нередко выливаясь в криминальные посягательства на собственных детей, иные общественно опасные деяния.

Возраст осужденных за преступления против малолетних имеет в основном значения в пределах 18–35 лет, однако есть и существенные отклонения от данных границ. Например, среди совершивших убийства новорожденных детей встречаются 16–17-летние несовершеннолетние женщины, а за убийство, нанесение побоев и причинение вреда здоровью, а также изнасилование среди мужчин-осужденных нередко отбывают наказание лица пожилого, даже пенсионного возраста (60 лет и старше). Характерно, что жертвами их насилия были как малолетние дети, находившиеся с ними в родственных отношениях – 68 % (племянники, внуки, иные родственники), так и чужие малолетние дети – 32 %. Что касается женщин, то здесь более редки случаи совершения преступлений в зрелом и пожилом возрасте (хотя они также встречаются, когда происходят посягательства на внуков, родственников, детей соседей и т. д.). Существуют случаи «позднего» материнства, когда женщина старше 40 лет убивает новорожденного ребенка во время родов или сразу же после них с целью скрыть факт беременности и рождения ребенка (как правило, внебрачного) от окружающих.

В целом, средний возраст преступников колеблется от 25 до 30 лет. Наиболее низкий возраст у осужденных за половые посягательства (26,5 лет), далее следуют отбывающие наказание за причинение вреда здоровью, побор и истязание (33,3 года), старше других – осужденные за убийства (36,4 года). Эти результаты в основном совпадают с результатами, полученными ранее другими исследователями, например, С. В. Бородиным, который исследовал личность преступников, совершивших преступления против личности [1, с. 12]. У женщин отмечаются свои особенности: в целом они несколько старше мужчин, за исключением осужденных по ст. 106 и 111 УК РФ. Можно отметить, что женщины «более импульсивны и эмоциональны: психологические травмы, связанные с производственными или семейными конфликтами, разводами, неустроенностью личной жизни, могут носить у них затяжной и глубокий характер» [2, с. 110].

Семейное положение осужденных за преступления в отношении малолетних отличается некоторыми особенностями от «усредненного» осужденного. В частности, характерно, что доля лиц, не имеющих полноценной семьи, является более высокой у данного контингента отбывающих лишение свободы, чем у иных категорий осужденных. Эта особенность достаточно стабильна во времени. Так, по данным переписи осужденных 1926 г.,

среди отбывающих наказание за преступления против личности было 46 % холостых лиц [3, с. 23], в то время как по данным проведенных нами исследований только у 35 % исследованных осужденных, виновных в посягательствах на малолетних, имелись полные семьи. Остальные находились в разводе, не были женаты или замужем, а некоторые находились в статусе вдовцов. Характерны для респондентов сожительские отношения (так называемый гражданский брак).

Семейное неблагополучие лежит в основе детерминации, формирующей преступное поведение. Так, среди мужчин (по данным выборочного исследования), совершивших посягательства на малолетних, только 14 % состояли в законном браке, хотя среди осужденных женщин эта доля выше и составляет 32 %. Можно сказать, что фактически каждый второй из таких преступников неблагополучен в семейном плане и сам отмечает нестабильность своего семейного положения. Как отмечает Ю. М. Антонян: «Дезадаптация и отчуждение подобных лиц стремительно прогрессируют при наступлении таких поводов, как распад семьи, уход от родителей, переезд на жительство в другой регион, перемена длительного рода занятий, а также освобождение из мест лишения свободы. Иными словами, их «скатывание» имеет место тогда, когда значительно ослабляется или вообще перестает действовать привычный, но достаточно жесткий социальный контроль. Здесь наблюдается противоречивая картина: многие из них стремятся избавиться от такого контроля, но, обретая «свободу», в силу своей общей неприспособленности к жизни, весьма слабых адаптационных возможностей быстро деградируют... Некоторые из них осознают это, но не находят в себе сил изменить ставший привычным образ жизни» [4, с. 118].

Вместе с тем из общего количества всех осужденных за преступления, совершенные в отношении малолетних, следует выделить несовершеннолетних преступников (лиц до 18 лет). Их семейный статус отличается собственной зависимостью от родителей, поэтому характеристика семейного статуса этих лиц фактически базируется на особенностях их родительской семьи. Здесь следует отметить следующую особенность: преступные посягательства на малолетних в подавляющем большинстве случаев совершают подростки из крайне неблагополучных семей (пьяницы-родители, или одинокая мать, или подросток находился на воспитании у бабушки и т. д.). В основном их посягательства носят корыстный характер и соединены с насилием (грабежами, разбоями, вымогательствами, реже убийствами). Следует отметить, что нередко подростки и сами являются жертвами насилия, в тех случаях, например, когда совершали преступление в составе преступной группы, находясь «под принуждением» взрослого организатора.

Образовательный уровень данных осужденных лиц в целом ниже, чем у иных категорий преступников. Характерно, что эта тенденция также достаточно стабильна. Например, по данным переписи осужденных 1926 г., среди осужденных за преступления против личности было меньше грамотных, чем среди всех осужденных [3, с. 64]. Естественно, что лица, имеющие высокий уровень образования, реже прибегают к насилию вообще, а тем более обращенному против беспомощных лиц –

малолетних детей. Наиболее высокий (на момент 1971 г.) был уровень образования (по данным С. В. Бородина) у осужденных за половые преступления, в частности изнасилование (7,5 балла), из их числа около 1/3 не имели неполного среднего образования, но около 20 % окончили среднюю школу. Самый низкий уровень образования наблюдался у осужденных за истязания (6,1 балла) и убийства (6,4 балла). Лиц с неполным средним образованием среди осужденных за преступления против личности в целом было 40,8 %, в то время как в стране такие лица составляли 28,5 %.

Образование женщин, по нашим данным, существенно выше, чем у мужчин. Фактически 70 % имеют полное среднее образование, около 19 % – среднее специальное, 8 % – высшее и неоконченное высшее. Данное обстоятельство отражает и общие тенденции, сложившиеся в сфере образования (уровень женского образования выше, чем мужского). Следует отметить применительно к личности преступниц, совершивших посягательства на малолетних детей, что даже наличие образования не может являться сдерживающим обстоятельством для совершения подобных преступлений. Фактически классический принцип криминологии: чем выше уровень образования, тем ниже уровень криминогенности личности, в отношении посягательств на малолетних опосредуется искаженным правосознанием и маргинальными формами повседневного поведения. В этой связи В. А. Серебрякова пишет: «Образовательный ценз сам по себе при соответствующих условиях не препятствует возникновению у лица антиобщественной направленности. Образовательный уровень имеет значение только в комплексе с другими воспитательными мероприятиями...» [5, с. 66–67].

Если ранее (в 1970–1980-х гг.) лица, совершившие преступления против малолетних, имели трудовой стаж выше, нежели иные категории осужденных (7,4 года), то на сегодняшний день фактически каждый второй из данной категории осужденных не работал или его трудовая занятость носила временный, эпизодический характер. Меньше всех трудовой стаж у лиц, совершивших изнасилование и истязание, насильственные действия сексуального характера, развратные действия. Однако следует заметить, что во многом этот фактор связан с более молодым возрастом осужденных (в среднем 20,3 года). Работа, которую выполняли данные осужденные, в основном была неквалифицированной либо ее исполнение ограничивалось невысокими профессиональными требованиями (например, у мужчин распространенные специальности – рабочий, строитель, водитель и т. п.), у женщин также в основном несложный труд, хотя чаще, чем у мужчин, связан с необходимостью специального образования: наряду с уборщицами, разнорабочими, пекарями имелись и такие профессии, как продавец, оператор, библиотекарь и др.

Характерно, что если посягательства, совершенные мужчинами, в основном не связаны с бытовой средой (в том числе половые преступления, убийства), то среди женщин, совершающих данные преступления (побои, убийства, истязания), фактически все случаи преступлений совершены на почве бытовых и семейных отношений. В этой связи уместно привести суждение О. В. Старкова, который указывает: «К бытовым соци-

альным группам мы относим: семью, родство, свойство, соседство, квартирантство, а также более мелкие диады – супругов, сожителей; родителей и детей, братьев и сестер; бабушек, дедушек и внуков; соседей по коммунальной квартире, по дому, по двору (в городе) и улице (в селе), кварталу в городе и селе; общежитию; свояков; тещ и зятьев; свекровей и снох; квартирантов и хозяев жилья» [6, с. 32]. Аналогичный подход был обозначен в ранее вышедшей работе В. П. Ревина [7, с. 14]. Особенности семейно-бытовых преступлений, жертвами которых в 62 % случаев становятся несовершеннолетние, а из них 29 % – малолетние, являются следующие:

- преступления совершаются в семейно-бытовой (непроизводственной) сфере межличностных отношений;
- базируются на неприязни, вызванной тесным общением в семье и бытовой группе, что нередко порождает конфликты, желание отомстить либо хулиганские побуждения;
- включают наличие вынужденного общения между потерпевшим и виновным на основе семейного, иного родственного, соседского (на бытовом уровне) общения, причинно связанного с общественно опасным посягательством на малолетнего.

Данные проведенных в России криминологических исследований позволяют сделать вывод, что в целом преступления насильственного характера, в том числе против малолетних, чаще всего являются посягательствами на жизнь и здоровье близких людей [8, с. 13]. По данным Следственного комитета РФ, в 2008 г. совершено 62 тысячи насильственных преступлений в отношении детей, из которых более 2 тысяч погибли. В СК РФ с тревогой констатируют рост преступности в отношении несовершеннолетних и в 2009 г. В среднем по России из 100 тысяч несовершеннолетних в результате преступлений гибнут ежегодно семь детей. В Госдуме рассматриваются поправки в Уголовный кодекс РФ об ужесточении наказания за совершение преступлений в отношении малолетних и несовершеннолетних [9]. При этом, отмечает Д. А. Шестаков, число так называемых «семейных» убийств в нашей стране вот уже более двадцати лет имеет тенденцию к росту [10, с. 6]. «Среди членов семьи, – пишет он, – ставших жертвой внутрисемейных отношений, чаще всего встречаются жены преступников, затем следуют дети, родители (включая родителей супруга), мужья и, наконец, иные родственники» [10, с. 6–7].

Уголовно-правовая характеристика осужденных за посягательства на малолетних отличается сроками наказания. Поскольку исследования проводились среди осужденных к лишению свободы, то анализ срока имеет свои особенности. Во-первых, доля «краткосрочников» среди осужденных за данные преступления существенно ниже, чем среди всех осужденных. На небольшие сроки (до 5 лет) осуждаются в основном, лица совершившие побои, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, а также убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).

Значительное количество мужчин, осужденных за сексуальное насилие и убийство, отбывают большие сроки лишения свободы (от 7 лет и выше). Что касается рецидива, то около 15 % респондентов имели судимость

на момент совершения посягательства против ребенка, почти 25 % отмечены криминологическим рецидивом (имели ранее судимость, которая была снята или погашена). Остальные 60 % осуждены впервые, что свидетельствует о том, что посягательства в отношении малолетних детей совершаются чаще всего впервые осуждаемыми лицами. При этом следует отметить высокий уровень латентности данных общественно опасных деяний, который достаточно легко выявляется при беседах с самими осужденными: почти 66 % родителей, осужденных за причинение вреда здоровью малолетнего, признаются, что применяли насилие в отношении ребенка и ранее, но не были привлечены к уголовной ответственности.

Следует особо выделить одно обстоятельство, характеризующее повышенную криминогенность рассматриваемой категории преступников (родителей или лиц, их заменяющих, иных родственников, совершивших посягательства в отношении малолетних детей). Показательно, что таким осужденным свойственна позиция самооправдания, непризнания вины. Многие из них считают себя невиновно осужденными, поскольку насилие, причиненное своим детям, оправдывают необходимостью строгого их воспитания или непослушанием детей. В этой связи уместен пример, приведенный в работе Ю. М. Антоняна и В. В. Гульдана, о поведении такого рода, в частности, в случае с осужденным Ч. Последний, женившись на женщине с ребенком, вначале воспитывал мальчика убеждением, но мальчик (с его слов) оставался непослушным, лгал ему, и тогда Ч. стал применять к нему физические меры воспитания – избивал ребенка рукой, потом ремнем, а затем «ввел порку» электрическим проводом. Однажды мальчик ушел на прогулку без разрешения, и тогда Ч. запретил выходить ему из комнаты, три раза в день давал скудную пищу, заставлял переписывать в дневник отрывки из произведения М. Горького «Детство Максима», где описываются порки в доме Каширина, и т. п. Далее он причинил в общей сложности 500 ударов электрическим изолированным проводом по различным частям тела, от которых мальчик скончался. В процессе следствия Ч. подробно рассказывал о преступлении, согласился, что его методы воспитания слишком жестоки, но тут же спрашивал: «А как надо было поступать, если никакие уговоры и беседы не оказывали воздействия на Сашу?» [11, с. 119–120]. Показательно и поведение матери Саши (жены Ч.), на глазах которой происходили систематические избиения ее сына, однако она не только не противодействовала им, но, под угрозами преступника, также причиняла удары мальчику. Фактически речь идет о том самом виде соучастия (пособничество в форме содействия преступнику).

Большое общественное звучание приобретают в последнее время участившиеся случаи жестокого обращения с приемными детьми и иными малолетними. Вот два уголовных дела, переданных в суд Управлением СКП РФ в 2009 г. Супругов Владимира Гречушкина и Софию Баскую обвиняют в жестоком обращении с приемными детьми и убийстве двоих из них. Гречушкин обвиняется по ряду статей УК: убийство, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и истязание. Баской инкриминируется пособничество в убийстве и истязание, а также неисполнение обязанностей по воспитанию

несовершеннолетнего. Им грозят длительные сроки лишения свободы. Как показало расследование, малышей – Даниила, 2005 года рождения, Анастасию, 2006 года рождения, и Анатолия, 2007 года рождения – супруги усыновили и привезли в Московскую область. Оформление усыновления детей произошло с нарушением закона. Приемные родители жестоко обращались с годовалым Толиком, часто избивали его, морили голодом. Мальчик перенес несколько тяжелых болезней. В декабре 2008 г. супруги, несмотря на его плохое здоровье, повезли его вместе с другим мальчиком в Таиланд. В самолете Толя скончался. После этого Гречушкин решил избавиться от второго приемного сына, Даниила. Трехлетнего малыша, предварительно жестоко избив, супруги утопили в реке, привязав к животу автомобильный аккумулятор. Экспертиза установила, что в реку его бросили еще живым. В начале февраля 2009 г. детоубийцы были задержаны. По одной версии следствия, Гречушкин собирался продать приемных детей за границу, по другой – использовать малышей для провоза наркотиков.

По другому делу проходит ранее судимый за совершение тяжких и особо тяжких преступлений Сергей Кияшко. В декабре 2009 г. в Ногинске он убил 8-летнего Женю Табакова. Ценой своей жизни мальчик спас сестру, 12-летнюю Яну, которую преступник хотел изнасиловать. Женя кухонным ножом успел ранить напавшего на них Кияшко, что помогло вскоре его задержать. Сам мальчик получил восемь ножевых ранений, и врачи не смогли его спасти [9].

Таким образом, криминологический портрет рассматриваемого преступника, совершившего посягательство на малолетнего ребенка, отличается особой жестокостью, ярко выраженными антисоциальными чертами, в частности пренебрежением к жизни и здоровью малолетних лиц, не могущих защитить себя в силу возраста. Это, как правило, неработающий или эпизодически работающий, деградировавший взрослый человек (преимущественно мужчина) со средним или ниже среднего уровнем образованием, в прошлом нередко имеющий судимость (в ряде случаев погашенную). Чаще всего его семейное положение неблагополучное (состоит в разводе либо холост), характерным свойством его личности является несдержанность, агрессивность. Что касается женщин, совершивших преступления в отношении малолетних, то здесь картина несколько иная. В основном их посягательства связаны с насилием против собственных детей, которое отличается меньшей интенсивностью и тяжестью. Уровень образования у них несколько выше, чем у мужчин, но также характерно неблагополучие в семье (одинокая, состоит в гражданском браке).

В целом, можно сказать, что криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступное посягательство на малолетнего, в основном повторяет черты современного преступника насильственного, корыстного или иного типа, ему свойственны пренебрежение к личности потерпевшего подростка, цинизм, агрессия и жестокость. При этом следует отметить нравственную и духовную деградацию таких личностей, которая выражается, в частности, в отсутствии раскаяния и признания своей вины, эмоциональной скудости и эгоцентризме. Однако нельзя преуменьшать при этом

значение социально обусловленного детерминационно-го комплекса, способствующего во многом формированию перечисленных свойств такой личности, предыдущие пробелы в его воспитании в семье и ближайших бытовых общностях.

Среди многих факторов социально-экономического, психологического, образовательного и иного характера криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступления рассматриваемого вида, приводит к выводу о ведущей роли семьи в предупреждении данного рода посягательств: как семьи,

в которой вырос сам виновный, так и семьи, которую создал. При этом особенно значим тот факт, что жестокость и насилие, применяемые в отношении ребенка родителями, в будущем продуцируют у него аналогичное отношение к собственным детям. Это прямо приводит к выводу о необходимости неотложного принятия мер по оптимизации предупредительной деятельности в сферах семейных и бытовых отношений, принятия государственной программы защиты детей от преступных посягательств, прежде всего от насильственных преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бородин С. В. Осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы за преступления против личности. М.: ВНИИ МВД СССР, 1973. 43 с.
2. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества : монография М.: Гардарики, 2002. 237 с.
3. Современная преступность: социальный состав, профессии, возраст, грамотность. М., Изд-во НКВД РСФСР, 1930. Вып. 2. 136 с.
4. Антонян Ю. М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение. Генезис и профилактика депривационных преступлений. Ереван: Айастан, 1987. 206 с.
5. Серебрякова В. А. Преступления, совершаемые женщинами. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1975. 171 с.
6. Старков О. В. Бытовые насильственные преступления (причинность, групповая профилактика, наказание) : монография. Рязань: РВШ МВД РФ, 1992. 162 с.
7. Ревин В. П. Профилактика преступлений в сфере семейных и бытовых отношений. М.: Академия МВД СССР, 1985. 94 с.
8. Максимов С. В., Ревин В. П. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики : учеб. пособие / МВД РФ, Гл. упр. кадров. М.: Учеб.-метод. центр, 1993. 56 с.
9. Богданов В. Смертельное усыновление // Российская газета. 2009. 15 июля. № 4952 (128).
10. Шестаков Д. А. Супружеское убийство как общественная проблема. СПб.: СПбГУ, 1992. 91 с.
11. Антонян Ю. М., Гульдан В. В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991. 248 с.

REFERENCES

1. Borodin S. V. Convicts serving sentence at places of deprivation of freedom for crimes against person. M.: VNII MDV USSR, 1973. 43 p.
2. Kudryavtsev V. N. Criminality and folkways of the transition society : monograph M.: Gardariki, 2002. 237 p.
3. Modern criminality: social composition, professions, age, literacy. Issue 2. M., Printing house of NKVD RSFSR, 1930. 136 p.
4. Antonyan Yu. M. Psychological disposition of an individual and criminal behavior. Genesis and prevention of deprive crimes. Erevan: Aiastan, 1987. 206 p.
5. Serebryanova V. A. Crimes committed by women. M.: All-union institute for studying of the reasons and development of measures for criminality prevention, 1975. 171 p.
6. Starkov O. V. Domestic perforce crimes (reasons, group prevention, punishment) : monograph. Ryazan': RVSh MVD RF, 1992. 162 p.
7. Revin V. P. Prevention of crimes in the sphere of family and domestic relations. M.: Academy of MVD USSR, 1985. 94 p.
8. Maksimov S. V., Revin V. P. Perforce crimes in the sphere of family and domestic relations and the issues of their prevention: text book / MVD RF, Chief department of personnel. M.: Education and methodical center, 1993. 56 p.
9. Bogdaniv V. Lethal adoption // Russian newspaper. 2009. July 15. # 4952 (128).
10. Shestakov D. A. Marital murder as a social issue. SPb.: SPbGU, 1992. 91 p.
11. Antonyan Yu. M., Gyldan V. V. Criminal pathological psychology. M.: Nauka, 1991. 248 p.